
УДК 130.2

DOI 10.31249/hoc/2020.01.10

Левит С.Я. ©

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. В статье раскрывается своеобразие и неповторимость поэтической философии Ф.И. Тютчева – «первой ласточки экзистенциализма», создавшего универсальную философию истории, оригинальную философию культуры, внесшего надмирную струю в русскую поэзию. Ключ ко всему его творчеству, согласно Вл. Соловьёву, в том, что под «златотканым покровом» космоса он чувствует темный корень мирового бытия, осознает таинственную основу всякой жизни – природной и человеческой – основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества.

Ключевые слова: мирозерцание; душа; мысль и чувство; истина поэтическая; истина научная; смысл жизни; таинственная основа жизни; двойное бытие; хаос; смысл существования; новый человек; религия отчаянья; больной пантеизм; религиозность; русский Бог самоотречения; метафизический и психологический антииндивидуализм; судьба России.

Levit S. Ya.

The poetic philosophy of F.I. Tyutchev

Abstract. The article reveals the originality and uniqueness of the poetic philosophy of the poet F.I. Tyutchev – «the first expression of existentialism»). Tyutchev created a universal philosophy of history, the original philosophy of culture, who made a transcendental stream in Russian poetry. The key to all his work, according to V.I. Soloviev is in his feeling of the dark root of the world existence under the «gold embroidered veil» universe, in his realizing of the mysterious basis of any life – natural and human – the basis on which the essence of the cosmic process, and the fate of the human soul, and the entire history of mankind are based.

Keywords: worldview; soul; thought and feeling; poetic truth; scientific truth; sense of life; mysterious basis of life; double being; chaos; meaning of existence; new man; religion of despair; religiosity; Russian God of self-denial; metaphysical and psychological antiindividualism; fate of Russia.

Философское и художественное творчество чрезвычайно близки друг другу. Всякому творчеству присущ элемент эстетичности. Но редки философы, успешно реализующие себя в художественном творчестве, как и редки художники, не затрагивающие в своих произведениях философских проблем.

Многие лирические поэты – Баратынский, Фет, Тютчев и др. – усвоили чисто философский дух и остались при этом поэтами, перекинувшими золотой мост между философией и поэзией, красотой и истиной. Поэзия, по словам Б.В. Никольского, – прикладная философия, а поэты в известном смысле столь же самобытны и зависимы от философии, как инженеры и техники от теоретической физики. «Средство и в то же время цель поэтов, при увековечении в образах и слове творческих комбинаций жизненной стороны философских умозрений, – красота» [3, с. 299]. Поэт стремится найти в вечном потоке преходящих явлений отражения *вечно существующего бытия*.

От каждого явления мировой жизни поэт берет его смысл, его умную сердцевину и показывает ее красоту. «Не только чувство в своей силе и страсти, в бесконечном разнообразии своих цветов и оттенков может служить предметом лиризма, но и человеческие размышления о

мире тоже вдохновенно облакаются в поэтические строфы», – пишет Ю. Айхенвальд [1, с. 239].

Ф.И. Тютчев умеет читать знаки, которые посылает ему мир, и понимать их смысл:

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте –
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.

«Таинственное дело», заговор «глухонемых демонов» – вот начало и основа мировой истории. Светлое начало космоса содержит эту *темную бездну* и постепенно преодолевает ее.

«В последнем, высшем произведении мирового процесса – человека – внешний свет природы – становится *внутренним светом* сознания и разума, – идеальное начало вступает здесь в новое, более глубокое и тесное сочетание с земною душою; но, соответственно этому, глубже раскрывается в душе человека и противоположное, демоническое начало хаоса» [5, с. 332]. И в своем сознании человек находит «наследье родовое» – ту темную основу мироздания, которую он чувствует во внешней природе.

При знакомстве с поэзией Тютчева Вл. Соловьёва поражает созвучие его вдохновения с жизнью природы – совершенное воспроизведение им физических явлений как состояний действий живой души. Тютчев чувствует жизнь природы, представляет ее в одушевленных образах и вполне сознательно *верит* в то, что чувствует, – ощущаемую им живую красоту принимает и понимает «не как свою фантазию, а как *истину*» [5, с. 323].

Тютчев и чувствовал, и мыслил как поэт, – он был убежден в *объективной истине* поэтического воззрения на природу.

Глубокое убеждение его в действительной, а не воображаемой одушевленности природы избавляло его от того раздвоения между мыслью и чувством, которым страдает большинство художников и поэтов, находящихся в плену ходячих мнений и игнорирующих *истину*, которая открывается им в глубине их поэтического чувства.

«Поэты, не верящие в поэзию, у которых *ум* противоречит *вдохновению*, и которые думают, что истина есть только одна механика, – такие поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться от всякой мысли, что не всегда возможно... когда же они начинают рассуждать, у них выходит отвлеченная и мертвая *дидактика*, вовсе не нуждающаяся в «языке богов» [5, с. 327]. Тютчев был избавлен от этого, его *ум* вполне согласен с *вдохновением*: «поэзия его полна сознанными мыслями, а его мысли находили себе только поэтическое, т.е. одушевленное и законченное выражение» [там же].

Поэзия и искусство вообще не просто украшают приятными вымыслами действительность, а прежде всего воплощают в образах «самый высший *смысл жизни*, которому философ дает определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем, как идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается в форме *ощутительной красоты* то же совершенное содержание *бытия*, которое философией добывается как истина мышления, а в нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга» [5, с. 328].

И, полагает Вл. Соловьёв, если Вселенная имеет смысл, то не может быть противоречащих друг другу истин – поэтической и научной, а также – двух взаимоисключающих «высших благ», или целей существования. Это понимал Тютчев, воспринимал прекрасное как *предметную истину*, а не вымысел. Тютчев был убежден в истинности поэтического воззрения на природу и цельности творчества, гармонии между мыслью и чувством, вдохновением и сознанием. Он, проникая в *темный корень* мирового бытия, осознавал *таинственную* основу жизни – природной и человеческой – основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества. В этом, согласно Соловьёву, ключ к его поэзии, источник ее содержательности и оригинальности.

Тютчев воспринимает обе стороны действительности – светлый облик живой природы («златотканый покров») и темную основу мироздания («бездну безымянную») – хаос, т.е. отрицательную беспредельность, зияющую бездну всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного – глубочайшую сущность мировой души и основу всего мироздания. «Это присутствие хаотического, иррационального начала в глубине бытия сообщает различным явлениям природы ту свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты... И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжестве мировой гармонии: достаточно, чтобы светлое начало овладело ею, подчинило ее себе» [5, с. 330].

В воображении поэта личность становилась *причиной* всего мирового разлада – не призраком, не изменчивой формой хаоса, а самим хаосом в мире, помрачившим его благодать. «В результате получилось следующее: 1) хаос – все, личность – ничто, лишь форма мгновенная и несущественная; 2) личность – фокус хаоса, его центр, его выражение в мироздании... Прежний «призрак» стал причиной величайшей реальности – хаоса в мире» [2, с. 270]. И этот человек, как сирота бездомный, смущенный величием этой темной пропасти, этой бездны и своей малостью, пронизанный страхом перед тем хаотическим, что живет и в его душе, стоит перед этой бездной, которая увлекает и притягивает его. Страх превращается в соблазн, бездна манит и вовлекает в самые глубины существования соблазняющей близостью хаоса, «великим тяготением распада» (И. Бродский). В своих космогонических прозрениях этот поэт-философ, «первая ласточка экзистенциализма»* [4, с. 316] говорит следующее:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик отобразится в них!

Он и о смерти знал все:

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса –
Предвестники для нас последнего часа

И усладители последней нашей муки, –
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою, свой образ прикрывает...
Да утаит от них приход ужасный свой!..

«Хаос манил Тютчева своей дионисийской красотой. Поэт живо ощущал красоту и Аполлона, и Диониса. Дионис соблазнял его безграничным буйством индивидуальных сил, страшной, но увлекающей всякую страстную натуру свободой их проявления, бесконечностью «бездны». Дионис, а не Аполлон, – бог личности, бог мятущейся субъективности» [2, с. 271]. Бог хаоса – бог личности, ибо личность, по Тютчеву, и есть наивысшее выражение хаоса. Дионис притягивал поэта. «Это был тот Антихрист, который смущал его своей бесовской красотой и с которым он всю жизнь боролся во имя Христа – во имя благого успокоения духа. Соблазнялся, падал и каялся» [там же].

Он был уверен в *непостижимости* темной основы мира, не переставал верить в ее реальность, но стремился населить природу прекрасными образами. Он видел и чувствовал в природе и душу, и любовь, и свободу, и язык, но «высокомерие» все разлагающего ума не позволяло ему забыть в этих поэтических интуициях. Он жаловался, что «нет веры к вымыслам чудесным, рассудок все опустошил и, покорив законам тесным и воздух, и моря, и сушу, как пленников – их обнажил; ту жизнь до дна он иссушил, что в дерево вливалась душу, давала тело бестелесным!..». И спрашивал: «...где вы, древние народы? Ваш мир был храмом всех богов» [2, с. 272].

Ал. Лаврецкий полагает, что двойственность концепции хаоса порождена «болезненным ощущением личного начала, вызвавшим и неудачную попытку справиться с ним, и обвинение “я” во всем зле после этой неудачной попытки победить его философией» [2, с. 270]. Он пытается заглянуть в творческую душу поэта космоса и хаоса, понять его «философию», прояснить – как он чувствует мир, раскрыть его душевную драму через раскрытие «психологии» тютчевской поэзии.

Лаврецкий пишет о том, что личность у Тютчева – это временная форма хаоса – бесформенной и безличной, темной, неорганизованной и зыбкой, как библейские воды, бурной основы мира. И личность подобна этому хаосу, он – ее «наследье родовое», то, с чем она хочет слиться. И с точки зрения гносеологии ее нет, личность есть только с

точки зрения психологии живой, ощущаемой всеми жизни; «личность есть постольку, поскольку хаос стал страданием» [2, с. 269]. Основные признаки *личного существования* – раздор и разлад.

«Злая жизнь» даже главное проявление и смысл душевной жизни человека – любовь – превращает в роковую борьбу, которая должна закончиться смертью. Тютчев отмечает в ней то темное, демоническое, хаотическое, недуховное начало, нуждающееся в просветлении и одухотворении. «Жизнь души, сосредоточенная в любви, есть по основе своей *злая* жизнь, смущающая мир прекрасной природой», – пишет Вл. Соловьёв [5, с. 333]. Эта злая жизнь любви убивает и губит то, «что сердцу нашему милей». Это роковая необходимость земной любви, ее *предопределение*».

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

Но в чем же тогда *смысл существования*? «Смысл природы, пишет Вл. Соловьёв, заключался в создании разумного существа – человека. Но разум в природном человеке оказывается лишь формальным преимуществом; он не в силах овладеть самою жизнью, сделать ее разумной и бессмертной; на зло разуму и на погибель человеку поднимается в нем демоническое и хаотическое безумие» [5, с. 333–334]. И эта темная основа, преодоленная в природе внешним образом и открывшаяся на высшей ступени в жизни и сознании человека, «должна быть побеждена внутренним образом, в самом человечестве и при его собственном содействии» [5, с. 334], через духовный подвиг, через становление совершенного человека. Таким образом, *смысл человека* есть он сам, но, отмечает Вл. Соловьёв, человек не раб и не орудие злой жизни, а ее победитель и владыка. «Если загадка мирового сфинкса разрешена явлением природного человека, то загадка нового сфинкса –

души и любви человеческой – разрешается явлением духовного человека, действительного и вечного царя мироздания, покорителя греха и смерти... и первое явление совершенной духовной жизни произошло в человечестве *и из* человечества, но *не от* человечества, а от Того, Кто изначально вложил в свой образ и подобие зародыш высшего совершенства, и как Грядущий приготавливал через всю историю необходимые условия своего действительного воплощения» [5, с. 334].

Единственный выход из «злой жизни», с ее коренным раздвоением и противоречием, Вл. Соловьёв видит в замене рокового и убийственного наследия древнего хаоса духовным и животворным наследием *нового человека*, или «Сына человеческого, – первенца из мертвых» [там же].

Религия Тютчева – религия отчаяния [2, с. 271]. Стремление к бессмертию, к преодолению времени, преходящести характерны для него. И это стремление связывается с верою в Бога, дарующего эту победу над бренностью существования. Две «бездны» – пылающая «бездна» страстей и холодная «бездна» времени – ужасали Тютчева, приводили его в отчаяние. Он глубоко чувствовал неизбежность забвения, страдал от сознания неминуемой физической и духовной смерти, от сознания того, что «злая жизнь» настигает наше «я» с его интимными ценностями, стремится отнять «все лучшие воспоминания», дар воспоминаний – залог реальности личности. (Исчез этот дар – и нет этой реальности, душа опустошена.) Его волновало это непрерывное изменение, обуславливающее *призрачность* нашей душевной жизни.

Одной из мук отчаявшейся тютчевской личности было чувство космической обиды за положение человека в мире: где так легко не быть, где так легко исчезнуть бесследно, а мир сохранится и все будет то же – «и тот же мрак, и та же степь кругом». Но это чувство не мешало отрицанию «я» [2, с. 276]. И, хотя «я» занимало в поэзии Тютчева важное место, но, отмечает Ал. Лаврецкий, он не был индивидуалистом. «К “я” можно относиться как к греховному началу, как в болезни. И так относился к человеческой индивидуальности Тютчев» [2, с. 264].

Больной пантеизм Тютчева исключает индивидуализм. Эта форма пантеизма, в отличие здорового пантеизма Пушкина, Фета, – прибежище личности истомленной бременем своего собственного «я»:

Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Эта тоска, несмотря на всю эту близость миру, возникает вследствие того, что эта близость не полная: что-то еще стоит между ними, «их... разделяет, хоть и прозрачная, но все же непроницаемая пленка тела» [2, с. 267], «в нем все еще томление его тяжелого трудового дня индивидуальности, обреченной на обособленную борьбу, остро чувствующей свои запросы» [там же], молящей сумрак тихий, сумрак сонный все залить, погасить, покрыть мглой самозабвения чувства, смешать с миром дремлющим, дать «вкусить уничтоженья» – уничтожения бремени отдельного «я», которое остается лишь как ощущение не связанного ни с чем в отдельности, но со всем *смешанного существования*. Этот больной пантеизм – протест против личности как причина своего страдания; он напирает на призрачность *индивидуальности*, пытаюсь хотя бы так от нее освободиться. Но и это не спасает: «ропщет мыслящий тростник» [2, с. 268].

Религиозность Тютчева – в тоске по потерянному раю, в сетовании на человеческое слабодушие, на неспособность человека к длительному экстазу веры, к длительному полету «с земного круга» в небо.

Тютчев писал:

Мы в небе скоро устает, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать *божественным огнем*.

«Но эта прискорбная слабость не исключает *религиозности*: слабость эта именно потому так горестно ощущается, что человеком изведено и блаженство религиозного подъема» [2, с. 277].

В критической литературе о Тютчеве укоренилась тенденция к полному игнорированию его религиозных стремлений. При этом ссылаются на такие выражения, как «я верю, Боже, помоги моему неверью», или «он жаждет веры (поэт говорит о своем веке), но о ней не просит». Но, полагает Лаврецкий, даже если он и был в каком-то

смысле неверующим, то и тогда нельзя обходить его *стремление к вере и гнев на безверие*. «Тютчев – неверующий Фома русской поэзии. Неверие апостола Фомы не исключало же его религиозности; не исключало оно и *религиозности* Тютчева» [2, с. 278].

Тютчев тяготел к религии, тем более что был мистической натурой, искренним мистиком, человеком твердых религиозных убеждений, основанных на внутреннем опыте, на воспитании в религиозных традициях. «Религия всегда манила тем уютом *умиротворенного существования*, который дает ее смирение. Она освобождала от бремени эгоизма и расплавляла ненасытное, требовательное “я” в отречении, в *покорности высшей воле*» [там же].

И, будучи мистической натурой, Тютчев глубоко изучал понятный сердцу язык, твердивший о непонятной муке, чувствовал *мистическую сущность хаоса*. Его не оставляло убеждение в вечной ценности религиозного – христианского мировоззрения. Иногда художник – Тютчев, увлекаемый красотой и соблазнами Диониса, расходился с убежденным *мыслителем* Тютчевым. Но в борьбе поэзии хаоса с религиозными убеждениями мыслитель брал верх, призывая свой век к смирению, отречению от *причины* всех зол – гордой, бунтующей личности [там же]. Он переживал *двойное бытие* властных страстей и религиозного сознания, но опутанный роковыми страстями, припадал к ногам Христа.

Бог Тютчева – это русский Бог самоотречения, смирение – высшая максима его религии, а гордыня, бунт – трагедия личности:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.

Взирая на «бедные селенья», «скудную природу», на родной «край долготерпенья», «край русского народа», Тютчев создает классический образ русского Бога, Бога *долготерпеливого народа*. «Знак раба» – идеал неугомонного «я», «познавшего всю призрачность са-

моудовлечения и господства, всю тщетность неудовлетворимых желаний» [2, с. 279–280].

И ничто, никакая поэтическая «гносеология», не растворяло этого вечно больного «я» в блаженном покое – только религия; она сулила ему бессмертие; «не все, что здесь цело, увянет, не все, что было здесь, пройдет». Называя мотивы отчаяния Тютчева, Лаврецкий говорит о роковых страстях, о неполноте веры, растлевающем скептицизме, беспомощности и ограниченности «я», но вместе с тем упоминает еще важный мотив, не развившийся вследствие специфических условий жизни русской души – не только смирение, но и трагедия, борьба. Сознывая всю прелесть борьбы с хаосом – роком, он писал: «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно / Хоть бой и неравен, борьба безнадежна»...

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.
Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Но Тютчев не был бойцом. Он был лишь грешником, взыскующим благодати [2, с. 282].

В поэзии Тютчев, поэт религиозный, выражал то же мирозерцание, то же воззрение на мир и личность, что и в своих философско-публицистических статьях; его политические и исторические взгляды – «это те же его философско-метафизические воззрения, переведенные... на язык политических терминов» [2, с. 264].

И эта же точка зрения художественно выражена им в стихах. Изучая метафизические идеи тютчевской поэзии, Лаврецкий пишет о его стремлении устранить хаос из общественных отношений. В России он видит гарантию этого. «Антитеза России и Европы – это антитеза

личного, хаотичного и космического, благообразного, божественного и дьявольского» [2, с. 265].

Россия, согласно Тютчеву, – носительница начала «воссоединения», в противоположность западному разделению; она способна восстановить нарушенное единство. Преобладание личностного начала порождает «разделение» Запада, является причиной бунта, революций, возводящих самовластие человеческого «я» в политическое и общественное право.

Основы политического консерватизма Тютчева Ал. Лаврецкий усматривает в его метафизическом и психологическом антииндивидуализме. В личностном начале Тютчев видел причину *зла жизни*, гибели цивилизации, убивающей себя собственными руками.

«Эта философия истории дополняет поэзию Тютчева в области общественных отношений, подтверждает антииндивидуалистическую идею тютчевской лирики историческими примерами» [там же].

Христианство для Тютчева – наиболее сильное в человеческой истории *отрицание личного начала*. Основу этого надличностного мировоззрения составляет чувство смирения и самоотвержения. «И в лирике, и в публицистике изобличаются и порицаются *заносчивость “я”*, самообольщение, хаос, отпадение от целого и утверждается объединяющее, *космическое начало, воплощенное в России*, тот идеал, к которому стремился этот гениальный критик личности в мировой поэзии» [2, с. 266].

Тютчев считал Россию по природе своей христианским царством. Живую душу человечества он видел в России, призванной внутренне обновить и внешним образом объединить все человечество.

Для него Россия была не столько предметом любви, сколько – веры. Тютчев создал универсальную философию истории России в одной строфе: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. У ней особенная стать: в Россию можно только верить». Россия виделась ему «пленительной загадкой, причем не современная, а будущая, достигшая некоей “меты”» [4, с. 315]. Вечность, которая стоит за его стихами, пишет В.И. Новодворская, лишена политических тяжб [4, с. 316].

Вл. Соловьёв говорит о сложных чувствах Тютчева к родине: с одной стороны, благоговение к религиозному характеру народа, с другой – некоторое отчуждение, антипатия к русской природе – *не милой*.

Его вера в Россию не основывалась, по мнению Соловьёва, на непосредственном органическом чувстве, а была делом *сознательно выработанного убеждения*. Высокопоэтическое выражение этой веры он дал в стихотворении «На взятие Варшавы». Он пишет о том, что в своей борьбе с братским народом Россия руководилась не зверскими инстинктами, а необходимостью «державы целость соблюсти», «славян родные поколения под знамя русское собрать и весть на подвиг просвещения единомысленных, как рать».

Вера в высокое призвание России возвышает поэта над чувствами национального соперничества и грубого торжества победителей.

Он пророчил России сделаться всемирною христианскою монархией, простирающейся по крайней мере до Нила и до Ганга с Царьградом как столицей. И ее единство, полагал он, не будет держаться насильем, не будет спаяно железом лишь и кровью, но будет спаяно любовью.

Но сам поэт признает, что жизнь России еще не определилась окончательно, она еще двоятся, увлекаемая в разные стороны противоборствующими силами, и она еще не покрыта ризою Христа.

Судьба России, пишет Соловьёв, зависит не от Царьграда, а «от исхода *внутренней нравственной борьбы* светлого и темного начала в ней самой. Условие для исполнения ее всемирного призвания есть внутренняя победа добра над злом в ней, а Царьград и прочее может быть только следствием, а никак не условием желанного исхода. Пусть Россия хотя бы без Царьграда, хотя бы в настоящих своих пределах, станет христианским царством в полном смысле этого слова – царством *правды и милости* – и тогда все остальное, наверное, приложится ей» [5, с. 338].

Примечание

* В.И. Новодворская называет Ф.И. Тютчева «первой ласточкой экзистенциализма», идеи которого Сартр и Камю отыщут через 110 лет на полке Времени. «Наш Храм – место наших приоритетов, место компенсаций Искусства за несостоявшуюся жизнь. Тютчев – основа философской, леденящей, надмирной струи в русской поэзии. Он здесь и хранитель, и виночерпий» (4, с. 316). В его жизни и стихах России не больше, чем Европы и Рима, «а звон римских мечей отдается эхом в ночи столетий» [4, с. 313].

Список литературы

1. *Айхенвалд Ю.* Литературные силуэты // Звучащие смыслы: космос культуры: Культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 239–262.
2. *Лаврецкий Ал.* Взыскующий благодати (Ф.И. Тютчев: поэт и поэзия) // Звучащие смыслы: космос культуры: Культурологический альманах / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 263–291.
3. *Никольский Б.В.* А.А. Фет // Звучащие смыслы: творческое самосознание: Культурологический альманах. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 286–322.
4. *Новодворская В.И.* Пресс-секретарь вечности // *Новодворская В.И.* Избранное: в 3 т. – М.: Захаров, 2015. – Т. 3. – С. 312–316.
5. *Соловьёв Вл.* Ф.И. Тютчев // Звучащие смыслы: творческое самосознание: Культурологический альманах. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 323–341.

References

1. *Ajhenval'd Yu.* Literaturnye siluety // *Zvuchashchie smysly: kosmos kul'tury. Kul'turologicheskij al'manah* / отв. red. i sost. S. Ya. Levit. – М.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. – S. 239–262.
2. *Lavreckij Al.* Vzyskuyushchij blagodati (F.I. Tyutchev: poet i poeziya) // *Zvuchashchie smysly: kosmos kul'tury. Kul'turologicheskij al'manah* / отв. red. i sost. S. Ya. Levit. – М.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. – S. 263–291.
3. *Nikol'skij B.V.* A. A. Fet // *Zvuchashchie smysly: tvorcheskoe samosoznanie. Kul'turologicheskij al'manah.* – М.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. – S. 286–322.
4. *Novodvorskaya V.I.* Press-sekretar' vechnosti // *Novodvorskaya V.I.* Izbrannoe: v 3 t. – М.: Zaharov, 2015. – T. 3. – S. 312–316.
5. *Solov'yov Vl.* F. I. Tyutchev // *Zvuchashchie smysly: tvorcheskoe samosoznanie. Kul'turologicheskij al'manah.* – М.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. – S. 323–341.